

хом и неугасимой верой в торжество коммунистических идеалов.

Творческое возмужание в прозе обычно приходит медленнее, чем в поэзии. Здесь от автора требуется большее знание жизни, большее проникновение в человеческие характеры. Может быть, поэтому в творчестве молодых болгарских прозаиков нет таких ярких книг, как в поэзии. У рассказчиков нет еще должной взыскательности к языку своих произведений, нередко мы сталкиваемся с описательностью. Хотелось бы пожелать молодым авторам смелее вторгаться в современную жизнь и больше внимания уделять строительству социалистической Болгарии.

Свыше двадцати прозаиков выступают в сборнике «Свежая струя». Небольшая часть рассказов воспроизводит мрачные и тяжелые картины недавнего прошлого. Так, запомнятся читателю еврейская свадьба в канун расстрела в концентрационном лагере («Свадьба» В. Баруха), душевная драма молодой болгарки, от которой отказался в последний момент богатый жених («Тетю сватают» И. Петрова), тяжелая участь мальчика из крестьянской семьи, рано потерявшего мать и сестру («Мамины слезы» Б. Митова). Однако большинство рассказов в сборнике посвящено сегодняшней жизни, новым отношениям людей.

Д. Гулев изображает острую борьбу новых людей против старой морали, против темных сил суеверия и предрассудков («Свои»), Р. Игнатов показывает за-

дорный характер молодого болгарского воина, трагически погибшего на границе от пули врага («Мечты Стояна»), Н. Нинов рассказывает о внутренней борьбе крестьянина - собственника, оказавшегося в стороне от сельскохозяйственного кооператива («К своим»). Во всех этих случаях мы знакомимся с рядовыми болгарскими тружениками, с их повседневной жизнью. И в этой повседневности мы находим красоту человеческой души, богатство характеров.

Иногда писатели ставят своих героев в исключительные обстоятельства, и тогда с особой силой проявляются их социалистический гуманизм, их высокие моральные качества. Особенно примечательны в этом отношении рассказы П. Бонева «Когда люди друг друга не видят» и С. Караславова «Шестеро за одного». В первом из них изображены три шахтера, оставшиеся в шахте после обвала. Отрезанные от внешнего мира, они, казалось, были обречены на мучительную смерть. Старый шахтер оставляет каравай хлеба для своих молодых друзей, а сам умирает от голода. В последний момент его друзья находят в темноте этот хлеб, делят его между собой, а затем приходит спасение. В рассказе «Шестеро за одного» мы узнаем, как во время занятий парашютистов командир взвода неудачно прыгает и в смертельной опасности повисает под летящим самолетом. Посадку провести было невозможно, не жертвуя жизнью всего экипажа и жизнью парашютиста. И тогда началась

самоотверженная борьба всего экипажа за жизнь человека, борьба, увенчавшаяся успехом. Чувство товарищества, взаимопомощи, уважения к коллективу и ответственность за него — вот те новые моральные качества, которые мы найдем у молодого человека в Болгарии сегодня и которые запечатлены во многих произведениях молодых писателей.

Среди рассказов этого сборника нам особенно близок своим содержанием и лирическим повествованием рассказ Л. Робертова «Подснежники для Шуры». Это история о тяжело раненом советском бойце, который во время Отечественной войны попал в болгарский госпиталь и там стал всеобщим любимцем. Волевой, мужественный и жизнерадостный, он находил в себе силы утешить раненого друга, ободрить разувевшегося, нарисовать картину скорой победы, счастливой мирной жизни. Таким он уехал из этого госпиталя в другой. А вскоре его болгарские друзья узнали, что их любимец Шура скончался от ран, не дождавшись победы. В их сознании он остался человеком широкой души, горячего сердца, остался как символ оптимизма и гуманизма советского человека.

В среде молодых болгарских патриотов, как об этом говорят сами стихи и рассказы молодых литераторов, мы находим немало таких людей, каким был Шура. И мы радуемся тому, что внутренне, духовно мы стали ближе друг другу.

В. Злыднев

КИНОСЦЕНАРИИ — ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА!

René Clair. Comédies et commentaires. Paris, Gallimard, 1959.

Во Франции издают романы, пересказывающие содер-

жание фильмов и очень редко дающие представление об их художественном своеобразии. Таков и роман Андре Серфа «Большие маневры» (1955), написанный по одноименному сценарию известного французского кинодраматурга и режиссера Рене Клера, произведения которого знакомы и советским

зрителям. В 1959 году Рене Клер опубликовал сценарии своих последних пяти картин. Среди них «Большие маневры» — художественное произведение, во всем совпадающее с фильмом (преьера его состоялась на первом французском кинофестивале в Москве). Сценарий нанес роману А. Сер-

фа удар, более сокрушительный, нежели самая придиричивая критика: в мире подлинного искусства пересказом невозможно подменить оригинал. Сборник Рене Клера «Комедия и комментарии» своим содержанием утверждает: киносценарий — разновидность драматической литературы, молодой, но полноценный литературный жанр.

Для вошедших в сборник сценариев, как и для фильмов Рене Клера, характерны удивительное чувство меры, ясность, гармоничность, неповторимая музыка ритма, объединяющая описание и диалог. Но не только мастерством кинодраматурга объясняется увлечение, с каким читаешь эту книгу: *ее автору есть что сказать.*

Чтобы разглядеть своеобразие творческой индивидуальности Р. Клера, целесообразно обратиться к лучшей в сборнике «драматической комедии» «На окраине Парижа» («Пор де Лиля»). Вдохновленный романом талантливого французского романиста Рене Фалле «Окружная железная дорога» (1956), Р. Клер создал произведение, чрезвычайно отличающееся от первоисточника.

Р. Фалле развил мотивы, типичные для французских «популистов» — писателей, натуралистически и беспросветно мрачно изображающих быт бедноты. Бесстрастно, подобно буржуазному этнографу, описывающему нравы отсталого, всегда голодного племени, Р. Фалле подробно рассказывает о своих героях. Его Жюжю — не только подонок общества, но и полуживотное, не только пропойца, но и подлец. Единственное человеческое, что в нем осталось, — мечта о солнечной Корсике. Жюжю благоговейно перед Пьером Барбье, преследуемым полицией: ведь тот, настоящий авантюрист, даже застрелил двух полицейских! Но, узнав, что в кармане Барбье лежит толстая пачка банковских билетов, Жюжю, не задумы-

ваясь, убивает ножом в спину своего «лучшего друга» Барбье. Однако воспользоваться добычей и уехать на Корсику Жюжю не удается: его нервы сдают, и, разбросав деньги по снегу, он гибнет под колесами поезда... В натуралистическом по стилю, насыщенном аргументом «черном» романе Рене Фалле изображена среда, в которой, по мнению писателя, животное, зверское в людях торжествует над человеческим.

Подобное восприятие жизни и такие образительные средства чужды Рене Клеру. Обратясь к роману Р. Фалле, он оставил имена, но совершенно изменил характеры, поступки и их мотивировки. Главное в сценарии — гуманистическая мораль, юмор, грустный лиризм. И с волнением следит зритель, читатель за тем, как Жюжю — неудачник и пьянчужка, но в сущности добрый, наивный и доверчивый, как ребенок, неспособный обидеть и муху — во имя справедливости наказывает за вероломство человека-волка Пьера Барбье той высшей мерой наказания, от которой он, Жюжю, ранее спас его.

Отпечаток творческой индивидуальности Р. Клера отчетлив и в остальных сценариях сборника, в которых кинодраматург по-новому разработал темы и сюжеты, увековеченные классической литературой. Обратясь к «Школе жен» Мольера (сценарий «Молчание — золото»), к варианту темы Дон-Жуана («Большие маневры»), к легенде о докторе Фаусте («Красота дьявола» — сценарий, написанный совместно с драматургом Арманом Салакру), Р. Клер изобрел оригинальное развитие действия, щедро проявляя свою иронию и остроумие, свой лиризм и юмор, насыщая сценарий реалистическими деталями, искусно добываясь впечатления достоверности при изображении самых неожиданных ситуаций. Не подражая великим предшественникам в развитии фабулы, Рене Клер

вместе с тем остается верен их гуманистическим и демократическим традициям. Благодаря тонкости диалога, естественного, лаконичного, изящно непосредственного, драматургу удается создавать ту атмосферу легкой иронии и лиризма, которая, быть может, более всего делает его кинокомедии неповторимо своеобразными.

У героев комедий есть своя «философия», и, развивая действие — очень весело, лирически или драматически, — Р. Клер обнажает ее ложность. Эмиль добросовестно обучает робкого Жака «искусству» овладеть сердцем женщины. Жак послушно усваивает его уроки и влюбляется в Мадлен. Между тем Эмиль сам полюбил Мадлен. Но он в отцы ей годится, а Жак молод, и Мадлен предпочитает его («Молчание — золото»). Бедному молодому композитору Клоду явно не везет, он неловок, какофоническая «астма» испорченных моторов в автомобильной мастерской, находящейся под его окнами, мешает ему сочинять музыку. Лишь переносясь в сновидениях в далекое прошлое, он удачник, его любят красивые женщины. Он хочет не просыпаться — грезить интереснее, чем жить! Но романтические приключения Клода во сне сменяются кошмарами. Теперь он боится уснуть и убеждается, что мог проспать реальное счастье («Ночные красавицы»). Драгунский офицер Арман, провинциальный сердцеед, неожиданно для себя влюбляется в женщину, которую он обязался соблазнить, держа пари с другими вертопрахами. Любимая, узнав о пари, уже не верит ему. Легкомысленная «философия» Дон-Жуана оказалась для него западней («Большие маневры»). Слабее других — что признает в этой книге и сам Р. Клер — сценарий «Красота дьявола». В нем Р. Клер и А. Салакру полемизируют с Марло и Гете: стоит ли «продавать душу» науке, если она создаст водородную бомбу?

уст предпочитает науке
 тех при дворе. Он бес-
 характерен и мелок; хит-
 умный и красноречивый
 фистофель — сродни лу-
 вому и трусливому бесу-

пакостнику из средневеко-
 вых народных сказок и
 представлений. Заниматель-
 ная фабула не может вос-
 полнить несовершенство за-
 мысла...

В общем же сборник гово-
 рит читателю: сценарии Ре-
 не Клера подлинно художе-
 ственны.

Я. Фрид

ПОЭЗИЯ И ПРАВДА ГАИТЯНСКОГО НАРОДА

□

J. St. Alexis. L'espace
 in cillement. Roman. Pa-
 Gallimard, 1959.

J. St. Alexis. Roman-
 to aux étoiles. Contes. Pa-
 Gallimard, 1960.

□

Две новые книги извест-
 го гаитянского романиста
 ака Стефена Алексиса
 зличны по жанру, но обе
 пронизаны мыслью о
 м, что народ нельзя унич-
 жить ничем — ни голодом,
 ни нищетой, ни пулями, что
 так же неистребим, как
 истребима сама жизнь.

Роман «В мгновенье ока»
 начинается с ранним произ-
 ведением Алексиса о гаитя-
 нском народе, о крестья-
 нах, защищающих свои кло-
 ки земли от американских
 монополий, о безработном,
 становящемся солдатом «ге-
 нерала Солнца». «В мгно-
 венье ока» — это также кни-
 га о возрождении человека,
 раздавленного страшными
 условиями жизни, но это

нига о проститутке. Как,
 скажут, история проститут-
 ки? Но это уже столько
 раз было, еще Гонкуры...
 Дело не в литературных
 миниатюрах. Это роман
 о проститутке, потому что

в странах Карибского бас-
 сейна проституция — неиз-
 бежное порождение беспре-
 делной, немислимой нище-
 ты этих маленьких госу-
 дарств, искусственно задер-
 жанных в своем развитии,
 тонущих под железной пя-
 той США. «В мгновенье
 ока» — книга, бесстрашно
 говорящая о многом, книга,
 безжалостная к читателю и
 вместе с тем глубоко чело-
 вечная. Она написана неров-
 но, но лучшие ее образы
 резаются в память.

Публичный дом. Орда
 грубой, озверевшей от пьян-
 ства и разврата американ-
 ской матросни. И юная
 Эстрельита — истерзанная,
 растоптанная. Забвение
 прошлого, вплоть до своего
 настоящего имени, утрата
 всех чувств, утрата, каза-
 лось бы, даже самой воз-
 можности любить и мыс-
 лить. Превращение в вещь,
 в полумертвое от усталости
 тело. Очередной матрос ухо-
 дит, оставив новенький дол-
 лар. И Эстрельита привыч-
 ным движением опускает
 его в туго набитый монета-
 ми чулок. У нее все же есть
 «мечта»: пока молода и кра-
 сива — промучиться несколь-
 ко лет в этом доме и ко-
 пить, копить; а потом уйти,
 чтобы в одиночестве дожи-
 вать жизнь. Временами
 сквозь образ опозоренной и
 прекрасной девушки как бы
 просвечивает образ истер-
 занной родины. Звучат в
 памяти строки Деспестра:
 «Это ты, моя родина!.. Это
 черная грязь торгашей на
 лице твоём... О разбитая
 грубым ударом гитара! Ты
 в наручниках. Ты на коле-
 нях...»

И все же этот роман — не
 столько история отчуждения
 человеческого, сколько исто-
 рия его возрождения, показ
 того, как даже среди бес-
 предельного отупения мо-
 жет проснуться надежда.

Рядом с девушкой рома-
 нист ставит Эль Каучо, че-
 ловека, твердо стоящего на
 земле, как и она, кубинца
 по рождению. Этот новый
 герой Карибских островов,
 рабочий и революционер,
 исколесил Латинскую Аме-
 рику, дружил с такими за-
 мечательными людьми, как
 вожак рабочих сахарных
 плантаций Кубы Хесус Мен-
 дендес, из-за угла убитый
 наемниками Батисты. И ко-
 гда между Эль Каучо и
 Эстрельитой, этими столь

противоположными людьми,
 «в мгновенье ока» вспыхи-
 вает любовь, Эль Каучо по-
 нимает, как трудно возро-
 дить девушку для жизни и
 любви. За три дня их стран-
 ный «роман» проходит все
 стадии и завершается не-
 ожидаемой развязкой: вме-
 сто того чтобы уехать с
 Эль Каучо, девушка решает
 уехать одна. Надо снова
 стать самой собой и, может
 быть, тогда войти с ним в
 новую жизнь.

Оба характера намечены
 сильно и верно. Но порой в
 описаниях Алексис-медик
 оттесняет Алексиса-писате-
 ля. И это порождает чрез-
 мерный физиологизм неко-
 торых сцен, излишне кро-
 потливый анализ извраще-
 ний и неврозов. Однако
 окончательная оценка книги
 была бы сейчас преждевре-
 менной. Она лишь начинает
 серию романов об Эль Кау-
 чо и его подруге, обретаю-
 щей снова свое детское
 имя — Эглантина. Во вто-
 ром томе — «Эглантина» —
 эта девушка должна пред-
 стать перед читателем в
 одиночестве и труде. Встре-
 тятся ли герои Алексиса
 снова, какими дорогами пой-
 дут они — мы увидим даль-
 ше.

Но одно впечатление
 остается уже сейчас: сквозь
 всю грязь и нищету проби-
 вается большая человече-
 ская чистота, оттесненная,
 но не убитая. Ощущается
 сила и твердость людей, по-
 добных Эль Каучо, людей,
 которым предстоит превра-
 тить их острова в место
 жизни, а не умирания, ко-
 торым предстоит бороться
 и строить, как это делают
 сейчас на Кубе.

«Романсеро при свете
 звезд» — книга сказок, орга-
 нически связанная с идеа-
 ми Алексиса о реализме в
 современной гаитянской ли-
 тературе и большой роли в